

*Ближе, чем кровь, луна каждому из землян
И по числу людей множится лунный род.
Видишь: над головой улиц или полян
лунных пейзажей клин поднят, как в перелет.*

Иван Жданов

И вот — словно гром среди ясного неба — мальчик объявил нам с Кешей, что собирается жениться.

— Ухожу в монастырь! — воскликнул Кеша. — Почему мне никто не сказал, что мой сын вырос?

— Хотела бы я посмотреть на эту счастливицу! — говорю я.

Мы когда ругались, я иной раз в сердцах:

— Учти, когда ты соберешься жениться, я буду первая, кто предупредит о твоём характере.

— А я буду первый, — он отвечал, — кто скажет тому, кто соберется положить цветок на твою могилу...

Это мы шутим, конечно. Мальчик — чудо, идеальное воплощение моих грез. Мне всегда хотелось иметь много детей. Пять, может быть, или семь. Трое мальчишек и четыре девчонки. А ну как плохо, думала, — буйная поросль вокруг станет ветвями шелестеть?.. И все такие родные, близкие души — ближе не придумаешь. В Новый год — куча подарков под елкой, летом на электричке — ликующей толпой в Уваровку!..

Но я боялась, вдруг у меня ничего не получится? А Кеша меня успокаивал:

— Не стоит паниковать раньше времени. Бери пример с Федора Голицына из МОСХа — он дворянин, портретист, живописец. Федор сдал сперму на анализ, и этот анализ показал, что у него *в принципе!* не может быть детей. А у него их трое: Саша, Маша и Вова.

Господи боже мой! Как я была счастлива, когда забеременела!

Кеша со мной вечерами гулял по району. И с нами вечно увязывалась наша соседка Майя, у той назревала двойня. Ее мужу некогда было гулять, он известный в Москве сексопатолог — Марк Гумбольдт. Марк принимал население в две смены, у него очень хорошо шли дела. Хотя в те времена сексопатологи, танатотерапевты у нас не считались врачами первой необходимости, а специалисты по акупунктуре казались восточными иллюзионистами, способными проглотить шпагу или горящий факел.

Черемуха цветет, одуванчики. А мы трое шествуем торжественно по улице. Причем Кеша такой горделивой вышагивал походкой, держа нас под руки, будто в этом положении не только я, а мы обе очутились исключительно благодаря его стараниям.

Даже когда на седьмом месяце со мной случился острый аппендицит и мне сделали операцию под еле ощутимым наркозом, мы с Кешей ни на минуту не испугались, вдруг что-то приключится ужасное. Правда, я помню, как он остался в больничном коридоре, когда меня увозили, — таких пылающих красных ушей я больше никогда ни у кого не видела, в том числе у Кеши.

Говорили, что хирург в этот день сделал две операции — своему маленькому сыну и мне. И после меня, вернувшись в ординаторскую, крикнул с порога:

— Водки!

Кеша ему подарил потом безграничную дыню медовую в плетеной соломенной сетке — прямо из Бухары.

Мне, поскольку беременная, никаких лекарств не давали, а только носили зачем-то горстями активированный уголь. Мы с Кешей смеялись, что из-за этого угля у нас, чего доброго, получится негр.

Когда я вернулась, у Майи уже было два малыша: Илья и Тимоша. Отныне у нас на лестничной клетке в двухкомнатной квартире жил не один Гумбольдт, а три! Горластая сицилийская семейка, где светоч сексопатологии заранее держался эдаким крестным отцом.

Мы с Кешей занимали угловую однокомнатную квартиру. Она немного расширенная за счет темной комнаты — чулана. У нас кооператив от Союза журналистов. И в этой квартире, предполагалось, поселится фотограф. В чуланчике оборудует себе фотолабораторию, поставит увеличитель с ванночками, наполненными растворителем, проявителем. Здесь очень удобно было бы проявлять пленку, печатать фотоснимки для газет.

А мы туда заранее поставили деревянную кровать с проигрывателем «Вега» на тумбочке — Иннокентий собирался заводить малышу средневековую лютневую музыку.

— Я тебя уверяю, — говорил Кеша, — роды пройдут быстро и легко. От меня ребенок больше чем на два килограмма не потянет. Во-первых, у нас на Урале в начале пятидесятых годов произошел атомный взрыв, о котором никто не знал. Во-вторых, когда меня мама родила, ей было под сорок. И вообще там у нас в воде не хватает йода...

Все это, конечно, успокаивало, но не очень. Меня волновало — как я с ним встречусь, с этим человеком — лицом к лицу? Он уже так яростно рвался на волю, чувствовалось, что ему буквально негде развернуться, за что мы его прозвали графом Монте-Кристо.

И вот пробил час. Естественно, он пробил ночью. Мы вскочили и, хотя давно готовились к этой минуте, мысленно репетировали, кто куда кинется, как угорелый — все растеряли, перепутали, вверх дном перевернули дом в поисках телефона такси. Короче, мчались по городу ночному, не останавливаясь на красный свет.

Сонная медсестра открыла мне дверь в приемном покое.

— Раздевайтесь, — сказала она.

Я все сняла, она отдала мои вещи Кеше, тот их забрал и уехал домой.

Вот я стою перед ней — босая, голая, на кафельном полу, как рекрут перед Богом. А она за столом заполняет карту, бормочет скучным голосом:

— Фамилия? Год и место рождения? Адрес?

И вдруг спрашивает:

— Профессия?

Обычно я смолodu твердо отвечаю на этот вопрос:

— Писатель.

А тут прямо чувствую — язык не поворачивается. Какой ты писатель — с таким огромным белым животом?

В общем, я сказала:

— Библиотекарь.

На рассвете вокруг меня начали роиться студенты. Они до того ко мне прикипели, что хлынули

за мной в «родилку», выстроились как в партере — в белых масках с вытаращенными глазами. И эти начинающие доктора, дети разных народов, стали потрясенными свидетелями появления на свет нашего дорогого мальчика.

Громким басом возвестил он о своем рождении. Весом, кстати, под четыре килограмма. Публика встретила его бурными аплодисментами. От акушерки, принявшей его в этом лучшем из миров, за свой львиный голос он получил прозвище — Аркадий. Так

что все в отделении, издали слышав его призывный рев, почтительно передавали из уст в уста:

— Аркадия везут кормить!

— Аркаша проголодался!..

Он поселился у нас в чуланчике, не плакал обычно, днями напролет слушал средневековую лютовую музыку, но постоянно следил за мной взрослым серьезным взглядом. И я всегда знала, что ему нужно — кушать, пить или перепеленать. Как будто в голове у меня звучали короткие телепатические команды.

Мы все думали да гадали, какое он скажет первое слово? Однажды протягиваю яблоко, а он спрашивает:

— Мытое?

Мы с Кешей возликовали — правда, удивились, что он такой предусмотрительный.

С тех пор как мальчик зашагал по земле, мы вдвоем отправлялись в странствия по городу, держась крепко за руки, гуляли в Нескучном саду, катались на чертовом колесе, ходили вместе в кино. Раз как-то забрели в кинотеатр, а там идет фильм «Обнаженная любовь».

Я говорю:

— Послушай, не могу же я тебя вести на фильм «Обнаженная любовь»!

А мой мальчик — ростом с полено — отвечает:

— Может, это не та обнаженная любовь, о которой ты думаешь.

Слоняясь туда-сюда, глаза по сторонам, мы оба с изумлением наблюдали, как в нас просыпается все-ленная, принимает качества и формы, привлекает, отпугивает, показывает завораживающие картины.

Как наше дыхание и умы творят из океана света небо и землю, животных, людей, птиц, деревья...

— Огромная неожиданность подстерегает вас обоих — увидеть мир таким, каков он на самом деле! — Мы слышали древние голоса, с незапамятных времен сопровождавшие меня в моих прогулках по жизням. — Ты птичка, Маруся, не чайка, не лебедь, но зяблик или синица, ты — изначальное состояние свободы, полнота чистой радости, средоточие света и свидетель всего. А птенчик у тебя — орел.

Он постоянно лепил крылатых людей. Пластилин, глина, хлебный мякиш — берет, что под руку попадется, и — терпеливо, старательно: сперва туловище;

свободно, без малейших усилий — голова, зато с каким усердием он прилаживал крылья, а уж напоследок, сами собой, появлялись ноги и руки.

В первом классе им велели слепить человека. Мальчик сделал фигуру с крыльями, но эти крылья Семен Тихонович Коровиков, учитель по труду, а также и преподаватель гражданской обороны, отрубил стамеской.

— Вот так-то лучше будет, по-людски, — добродушно сказал Коровиков.

Мальчик разозлился и давай лепить крылья снова. Только сотворил одно крыло, нашел на него как тать Семен Тихонович, выхватил скульптуру и яростно, большой ладонью, придавил крыло к спине.

— А ну лепить, как учат старшие по званию! — приказал он.

Мальчик надулся, промолчал. А дома твердо заявил нам с Кешей:

— Я не собираюсь учиться у Семена Тихоновича всякой белиберде.

Очень его волновало то обстоятельство, что мы тут так намертво зачалены. До школы еще, когда он лежал с температурой, болел:

— Вот интересно, — говорил, — какое сильное притяжение Земли! Сквозь кору, сквозь асфальт, сквозь дом, сквозь кровать, сквозь простыню. Как же трудно взлететь, если у тебя нет крыльев!

Два раза у него была скарлатина, хотите верьте, хотите нет. А потом воспаление легких. Это за одну зиму! Мы прямо обрадовались тогда, что дожили до весны. Я собираюсь на почту, а он:

— Марусь, ну можно я с тобой? Я тихонько. Надену шарф, поддену колготы. Я хочу посмотреть, что за это время случилось с миром.